

Н.М. Менькова

ДОМ ВОЗЛЕ ПЕРЛОВСКОГО ПРУДА (Воспоминания одной из последних дачниц)

1. Довоенные годы

Передо мной прекрасно изданная в 2007 году книга «Наша Перловка»¹⁾. ... Она – об исчезающем под натиском города Мытищи дачном поселке Перловка, который возник в конце XIX века в двенадцати километрах от Москвы. На обложке этой книги помещена фотография знаменитого Перловского пруда, в водах которого отражаются типичное дачное строение прошлого века, а за ним – современный многоэтажный дом... Перловка уходящая и Перловка новая...

На берегу этого пруда, на противоположной его стороне, когда-то стоял дом моих родителей, где наша семья прожила больше сорока лет. На наших глазах на территории парка основателя поселка, купца Перлова, формировался новый район западной Перловки, который просуществовал около шестидесяти лет. Строились новые дома, и во всех этих типичных дачных строениях жили *люди*, судьбы которых прошли перед нами, вызывая интерес, сочувствие, а порой и жалость...

Мы обосновались в Перловке летом 1939 года, но за три года до этого мои родители сняли дачу в этом поселке, и в начале июня 1936 года мы поселились в коммунальном «муравейнике», переполненном горожанами, жаждущими свежего воздуха и деревенской прохлады. Перловка с конца позапрошлого века была модным дачным местом, славившимся обширным парком, рекой Яузой с живописными берегами, санаторием для больных сердечно-сосудистыми заболеваниями...

Но дача, на которой мы оказались, не смогла бы удовлетворить взыскательному вкусу любителя загородного отдыха. Это было потемневшее от времени двухэтажное здание с открытой верандой, на которой при отсутствии ветра жильцы на керосинках готовили себе еду; в непогоду процесс переносился в комнаты. Дача выходила фасадом на железную дорогу, так что день и ночь мимо дома проносились поезда с пронзительными гудками, от которых закладывало уши. Наша комната, правда, выходила на задний двор; шума там было меньше, но зато нам доставалось созерцание и ароматы отхожего места... Моему братишке было всего несколько месяцев, поэтому мама, промучившись с нами некоторое время, умолила отца увезти нас обратно в Москву, и все мы были счастливы очутиться снова дома и пользоваться благами городского комфорта.

Однако папу этот неудачный опыт отнюдь не обескуражил, и вскоре он начал строить в Перловке собственную дачу. Мой отец, Марк Исаевич Слободкин, стремился в Перловку неспроста: там еще в двадцатых годах поселился Лев Яковлевич Брусиловский – человек, которого папа очень уважал, к общению с которым всегда стремился. К тому же Л.Я. Брусиловский приходился ему свояком: жена Льва Яковлевича, Лидия Васильевна Лепилина, и моя мама, Ирина Сергеевна Бремзен, были двоюродными сестрами.

Лев Яковлевич, известный в медицинских кругах врач, впоследствии издатель Медицинской энциклопедии, был в то время секретарем Н.А. Семашко – видного партийного деятеля, первого наркома и одного из организаторов здравоохранения в Советском Союзе. В Перловке у Семашко была дача, которую я отлично помню. Это был двухэтажный белый дом с обширной террасой, отделанной деревянной резьбой. В нашем семейном архиве хранится фотография 1925 года: возле этого дома сидит Лидия Васильевна Брусиловская с трехлетней дочкой Ёлочкой на коленях.

Дача Семашко находилась вблизи сердечно-сосудистого санатория, располагавшегося между Перловкой и Тайнинкой²⁾. Тогда шоссейной дороги между этими поселками не было, и улица Семашко, названная в честь бывшего наркома, заканчивалась тупиком, куда выходили ворота оздоровительного учреждения. Впрочем, санаторий во время войны 1941-1945 гг. закрыли и на его территории разместили военную часть. Николай Александрович Семашко еще раньше уехал из Перловки в какое-то более фешенебельное место, и его дом заселили муниципальными

очередниками. Только в пятидесятых годах прошлого столетия, когда началось активное строительство Новых Мытищ, дом Семашко сломали.

Но в двадцатых-тридцатых годах ничего подобного не предполагалось, и Л.Я. Брусиловский начал строить себе дачу неподалеку от дома своего шефа. На улице Семашко его участок был в то время вторым от ограды санатория и числился под номером 47, так как нумерация этой улицы начиналась где-то далеко за вокзальной площадью. Мой отец приложил большие усилия, чтобы получить землю для постройки дачи невдалеке от Брусиловских, и ему это удалось только благодаря помощи украинского академика Георгия Федоровича Проскуры, учеником и ассистентом которого он был. Осенью 1938 года папа получил большой участок на себя и на Проскуру через дом от Брусиловских – по улице Семашко 43.

В конце сороковых или в начале пятидесятых годов нумерацию участков поменяли: тогда военную часть (бывший санаторий) ликвидировали, провели дорогу на Мытищи, построили санэпидстанцию, впоследствии НИИ гигиены им. Эрисмана, и это учреждение стало ориентиром для всей западной Перловки: «против Эрисмана», «за Эрисманом», «через два дома от Эрисмана» и т.п. Фамилия ученого, в честь которого был назван НИИ, приобрела прямо-таки нарицательное значение, но интересующиеся могли прочитать в энциклопедическом справочнике, что Ф.Ф. Эрисман был профессором Московского университета, основоположником научной гигиены в России; в 1891 году он организовал первую санитарно-эпидемиологическую станцию... Интересная подробность его биографии: женой профессора Эрисмана была первая русская женщина-врач Надежда Сулова, родная сестра Аполлинарии Суловой – «роковой дамы» писателя Ф.М. Достоевского ³⁾.

Со времени возведения НИИ гигиены отсчет домов по улице Семашко начался «от Эрисмана», который числился под №2. Дальше стоял старинный двухэтажный дом под №4, где проживали какие-то очень пожилые люди, может быть, еще дореволюционные его владельцы. Участок Брусиловских в то время получил адресное место под номером 6, а наш участок – под номером 10 ⁴⁾. Там был вскоре заложен двухэтажный дом на двух хозяев, общая площадь которого по проекту должна была составлять около двухсот квадратных метров.

...Зимой 1939 года я впервые поехала с папой на наш участок. В Москве мы жили на Уланском переулке, очень близко от Ярославского вокзала: всего одна остановка на метро до вокзальной площади. Помню, как мы шли по галерее над путями станции метро Комсомольская, и папа рассказывал мне о том, что дачный поселок Перловка получил свое название по фамилии известного до революции купца Перлова, обосновавшегося там в конце прошлого века ⁵⁾. Перлов торговал чаем и кофе, он имел несколько магазинов в Москве и других городах. Один такой магазин находился на улице Кирова (так тогда называли Мясницкую), недалеко от нашего дома, и мы с мамой там часто бывали. Это было необыкновенно красивое помещение, отделанное в китайском стиле, где можно было купить чай разнообразных сортов, кофе молотый с добавками и без, а также кофейные зерна, которые по желанию покупателя тут же мололи на специальном устройстве. Вследствие всех этих манипуляций запах в магазине стоял совершенно изумительный...

Потом мы с папой сели на электричку и минут через 20 оказались на станции Перловская. Мы вышли на деревянную платформу и вдохнули чистый, насыщенный кислородом воздух... «Как тут дышится! Чувствуешь?» – восхищался папа... Еще 15 минут ходьбы – и новое потрясение: на заснеженном участке, среди высоких сосен и вековых лип уже стоит сруб из белых, недавно ошкуренных бревен... Благоухание дерева и свежего, только что выпавшего снега – незабываемое впечатление детства... Той же зимой на участке появился маленький домик, где жил сторож Тимофей Макарович, а также конура с собакой Валеткой, числившейся немецкой овчаркой. Летом 1939 года мы уже поселились в домике-сторожке и прожили в нем много лет.

Избушка была очень маленькой: одна комнатка, метров 10-12, и сенцы, где помещалась наша няня Даша: невысокая сухонькая пожилая женщина, всегда в черном. Впоследствии выяснилось, что она была скрытой монашкой и принадлежала к сестричеству Елоховского храма в Москве. Там же в сенях няня готовила нам еду на керосинке. Родители работали в Москве, но

они часто приезжали на дачу, так как Перловка была очень близко от города. В их отсутствие с нами жила бабушка Анна Харитоновна Ефремова.

В комнате стояла кровать, коротенький диванчик для меня и убиравшаяся на день раскладушка для братика Саши. У окна помещался маленький столик, за которым мы ели в дождливые дни. Но около домика, под сенью могучей ели, рабочие по просьбе мамы соорудили стол и две лавки, где мы в хорошую погоду трапезничали. Уже после войны в эту ёлку ударила молния, дерево, практически, сгорело, и его пришлось спилить. Пострадала так же еще одна сосна около строящегося дома, и это позволяло папе в шутку утверждать, что под землей на нашем участке находятся залежи железной руды, нечто вроде Курской магнитной аномалии.

Наш участок располагался на берегу искусственного водоема, по-видимому, того самого, о котором в путеводителе начала XX века было сказано, что в поселке Перловка существует «небольшой копаный пруд» [1]. Питался он, несомненно, какими-то подземными источниками, ключами, которыми так богата мытищенская земля, поэтому водоем не пересыхал, и он существует до сих пор. Примечательно, что при оформлении нашего участка пруд был включен в его состав, и отец даже соответственно оконтурил его забором. Он построил на берегу водоема мостки и деревянную лестницу, чтобы было удобно спускаться к воде.

Однако пруд пользовался большой популярностью у местного населения, хотя был он неглубок, и вода в нем даже на вид была грязноватой. Построенный папой забор никого не смущал, поэтому с началом лета детвора, да и взрослые перловчане перемахивали через непредусмотренную преграду и целыми днями плескались в пруду, а потом выбивали свои мокрые трусы о забор: это был какой-то своеобразный прием сушки мокрых купальных принадлежностей. Разумеется, купальщики затем располагались на отдых по всему участку... Отец мой был в ужасе от всего этого и срочно перенес забор, освободив пруд для общественного пользования.

Нам в пруду купаться категорически не разрешали, однако в жаркие дни мы с мамой ходили на речку Язу, которая текла под горкой в пяти минутах ходьбы от нашего участка. В то время река эта также была мало пригодна для купания: вода была грязной, дно илистым и вязким... Позже я узнала, что выше по течению реки, в ее излучине, вода чище, и даже существует песчаный бережок – результат отложения наносных пород. Но, учитывая, что в Язу спускали в то время отходы производства мытищенских предприятий, вряд ли купание в реке было полезно для здоровья...

...На другом берегу пруда располагался дом, напоминавший крестьянскую избу, который принадлежал семье Бородиных. У меня там была подружка Аня, девочка моих лет, к которой меня иногда отпускали поиграть. Самым интересным местом на этом участке был сарай, где в беспорядке валялись какие-то старинные вещи и инструменты, видимо, еще дореволюционного происхождения, в том числе стояла настоящая крестьянская телега, на которую мы с удовольствием взбирались. Родители предполагали, что этот дом некогда принадлежал одному из служащих купца Перлова: какому-нибудь привратнику или садовнику... И действительно, недавно я прочитала, что это был дом лесника [1].

Наш участок только одной стороной примыкал к жилому массиву, причем граничил с двумя соседскими владениями. Между нами и Брусиловскими под номером 45 располагалась двухэтажная дача, принадлежавшая известной в то время женщине-драматургу Александре Бруштейн. Её пьеса «Голубое и розовое» шла во многих театрах; кажется, она была о детях дореволюционной эпохи, но я этой постановки не видела, так же, как и её автора: она уже в Перловке не жила и вскоре продала свою дачу. Знаю только, что создательница хореографического ансамбля народного танца «Берёзка» Надежда Надеждина была дочерью А. Бруштейн; возможно, она жила какое-то время в Перловке, но это было еще до нашего там появления.

Так как наш участок был на двух хозяев, то мы граничили также с владением С.Д. Горбачевского, которое выходило на Сосновую улицу, параллельную Семашко. Капитальный каменный дом С.Д. Горбачевских, «белый дом», своей изысканной архитектурой напоминал коттедж западно-европейского образца. Кроме того, дом был оборудован городскими удобствами, так как на участке была пробурена артезианская скважина, и вода поступала непосредственно к объектам назначения...

На ту же Сосновую улицу выходили вторые ворота нашего сдвоенного участка.. Мне кажется, что в тридцатых годах прошлого века эта улица была односторонней и открытой в сторону берега Яузы. Застройка параллельного ряда домов только-только началась перед войной, и одним из первых строений на этой улице был дом Т.В. Муштаковой – директора перловской средней школы №5.

...Одно из первых ярких впечатлений от нашей дачной жизни – это стрекотание самолетов, которые маневрировали над нашими участками и приземлялись на большом поле за рекой Яузой: там находился аэродром какого-то аэроклуба ОСОВИАХИМА. Перед Великой Отечественной войной таких заведений было очень много по всей стране, молодежь увлекалась авиацией. Быть может, благодаря этому во время войны наша армия не испытывала недостатка в квалифицированных летных кадрах... Видели мы также тренировки планеров, наблюдали одиночные и групповые прыжки парашютистов. Вместе с мамой мы побывали на аэродроме – проход туда в то время был совершенно свободный, никто не требовал никаких пропусков. Самолеты, или, как их тогда называли, *аэропланы* вблизи производили внушительное впечатление и восхищали нас с Сашей...

Но вообще в то наше первое перловское лето мы с братишкой редко выходили за пределы участка: и малы мы еще были, и, как кажется, подходящих детишек, кроме упомянутой Ани Бородиной, поблизости не было. Но и на нашем участке, где штабелями лежали доски, бревна и весело лаяла Валетка, было где поиграть, попрятаться, покататься на выступающих концах досок. Да и сам участок, полученный отцом, был большой и живописный: наверное, кусок лесопарка, принадлежавшего некогда Перлову. Основная часть этого зеленого массива находилась через дорогу, и в выходные дни, сидя на заборе, огораживавшем наши владения, я видела большое количество отдыхающих, которые, возможно, приезжали даже из Москвы. Эти люди расстилали на траве одеяла или коврики, ставили самовары, заводили патефоны; музыка звучала до самого вечера, создавая праздничное настроение. В жаркие дни желающие отправлялись купаться на пруд или еще немного подальше – на Яузу.

Но впечатления от жизни, текущей мимо нашего забора, не всегда были праздничными. Тем летом в окрестных деревнях была эпидемия какой-то детской болезни, и мы видели, как к церкви, располагавшейся также на территории парка, ближе к станции Тайнинская ⁶⁾, иногда по нескольку раз в день, проходили печальные процессии. Отец нес на полотенце, перекинутом через плечо, маленький гробик, следом шла небольшая группка родственников умершего ребенка... Это заставляло сжиматься мое маленькое сердечко в предчувствии грядущих невозполнимых утрат...

На следующий год мы чуть ли не в мае переехали в нашу избушку, которая уже казалась обжитой и уютной. Это последнее предвоенное лето 1940 года вспоминается мне как самый счастливый период моего детства. Наш будущий дом покрыли дранкой, или «щепой» – тонкими деревянными пластинками... Сейчас такого покрытия нигде не увидишь, но в предвоенные годы крыши из этого недорогого материала были очень распространены. Белая деревянная щепка под действием дождя и снега постепенно меняла свой цвет, становилась серой, но одновременно она разбухала и надежно препятствовала внутренним протечкам. Однако дом, крытый новой дранкой, выглядел очень нарядным, и мы радовались, глядя на него.

Колодца на нашем участке не было, и за водой мы ходили к нашим родственникам Брусиловским. У них на участке было очень красиво: росли плодовые деревья и кустарники, вдоль хорошо укатанных дорожек пестрели и благоухали цветы. Правда, настроение портили собаки: огромный цепной пёс Балу, который зычно лаял за деревянной загородкой, и маленькая злющая болонка Дэзи.

Я, несмотря на врожденную собакобоязнь, ходила к Брусиловским через день, так как по настоянию папы начала заниматься французским языком со старшей их дочерью, восемнадцатилетней Еленой, Ёлочкой. Обычно мы устраивались с ней в саду под яблонькой, а Дэзьку запирали в доме, чтобы она не мешала нам заниматься. Папа следил за моими успехами в языке и даже делал свои «заказы»: «Спроси, – говорил он, например, – как по-французски будет «кош-

ка)? А как «муха»?» – И Ёлочка старательно записывала в мою тетрадку: «Le chat»... La mouche».

Иногда во время наших занятий из-за кустов малины выскакивала Ирочка – младшая дочка Льва Яковлевича и тети Лиды – загорелая, живая и веселая девочка лет четырнадцати. Сунув мне в руку пригоршню ягод или самодельную игрушку – какую-нибудь корзиночку из проволочек и бисера, Ирочка, осчастливив меня таким образом, исчезала в глубине сада... Я очень любила обеих девочек, которые приходились мне троюродными сёстрами, и тяжело переживала безвременную кончину моей молоденькой учительницы.

Тем памятным летом у нас появились новые друзья. А. Бруштейн продала свою дачу двум предприимчивым гражданам, приехавшим из Грузии, и те организовали на территории своего участка подпольное трикотажное производство. У предпринимателя, жившего внизу, было двое очаровательных детишек: пятилетний Феликс и двухлетняя Соля, Соломея. У верхнего компаньона была одна дочка Натэла – симпатичная голубоглазая девочка лет восьми. Натэла ни минуты не оставалась в покое: она все время прыгала, танцевала, затевала какие-то подвижные игры; к тому же она хорошо пела.

Под ее руководством мы разучивали грузинские танцы: «Лезгинку», «Лакури» – и вместе с ней пели: «Чемо тце, На-а-тэла... Гопрендино ла-а-нела...» (За транскрипции не ручаюсь). Натэла уверяла нас, что эта песня именно о ней, и мы эту версию вполне принимали за правду. Только много позже я узнала, что на самом деле песня называлась «Светлячок» и в переводе звучала, примерно, так: «Светлячок мой, светлячок, как твой тихий свет красив!..» – ну и так далее. Мы с братом были вполне под влиянием Натэлы, хотя няня Даша её не одобряла: «Что это за ребёнок за такой! Прямо *ерепёска* какая-то...» – ворчала она, но по доброте душевной сажала девочку обедать вместе с нами, так как ее родители часто уезжали на целый день, видимо, по своим коммерческим делам.

Для удобства сообщения в заборе, разделявшем наши участки, сняли с гвоздей одну доску, отодвинув которую можно было попасть к соседям. Через эту дырку в день моего рождения, 26 июля, пролезли на нашу сторону Натэла, Солечка и Феликс: все трое нарядные, торжественные, с подарками и букетами цветов; пришли поздравить меня и другие дети, какие-то знакомые по совместным играм и прогулкам... Детишки бегали по участку, качались на досках и на настоящих качелях, которые я получила в тот день в подарок от моего любимого дяди Мити, брата отца. Я чувствовала себя счастливой и очень красивой в новом розовом платье и с розовым бантом в волосах... Пожалуй, это был единственный случай, когда на моей голове оказалось подобное украшение, что было вызвано не столько отсутствием кокетства, но и слишком короткой стрижкой «под фокстрот»: бант, попросту, некуда было привязывать.

Погода была в тот день чудесная, и мама устроила угощение прямо во дворе, рассадив детей и взрослых вокруг стола под развесистой елью. Гости весело уписывали вкусные мамины пироги и салаты, как вдруг откуда-то набежали тучи, и началась страшная гроза. Впоследствии я замечала, что такой поворот погоды – обычное явление на дне моего рождения, которое приходится на начало периода июльских и августовских гроз. Один раз, много лет спустя, там же в Перловке мы тоже вынуждены были прервать наше уличное застолье, внести стол со всеми закусками на веранду нашего большого дома, и, надежно защищенные застекленными рамами, наблюдали разбушевавшуюся стихию. И вдруг мы увидели как над забором нашего сада с небольшой скоростью перемещается огненный шар, размером с детский мячик. «Шаровая молния!» – крикнул кто-то из гостей, и все приникли к стеклам, наблюдая это удивительное явление природы... Действительно, похоже, что наш участок каким-то образом провоцировал экстремальные явления атмосферного электричества...

Но в 1940 году гроза не испортила наш детский праздник: мы все забрались внутрь строящегося дома под новую крышу, и дядя Митя, начал нам рассказывать о том, как знаменитый русский путешественник Миклухо-Маклай жил среди папуасов на Новой Гвинее. Потом, когда мы замерзли на сквозняке, продувавшем через оконные проемы, нас всех под зонтами перетаскивали в сторожку, где мы «бесились» до окончания грозы...

А следующим летом началась война... Я прекрасно помню воскресный день 22 июня 1941 года. Было пасмурно, по-моему, даже шел дождь, и мама приехала утром на дачу с зонтом. Она тотчас же легла спать, так как дежурила ночью: тогда, в предвоенные годы, большинство учреждений функционировало круглосуточно. Считалось, что Сталин не спал, работал по ночам, и ему могла в любой момент понадобиться какая-нибудь справка... Мама рассказала нам удивительную вещь: одному из дежуривших инженеров позвонила из Киева жена – артистка гастролировавшего там московского театра – и спросила, всё ли в Москве в порядке. «Да, – ответил инженер. – А что случилось?» – «А то случилось, что нас бомбят!» ...Помните: «Киев бомбили, нам объявили...» Да, так началась война...

Около часу дня к нам, буквально, ворвались Елочка и Ирочка Брусилевские: «Война! Война!» – взволнованно заговорили они с порога, – Только что Молотов по радио выступал...» Мама испуганно встрепелась, вскочила, и мы вместе с нашими родственницами поспешно отправились в продовольственный магазин, который располагался тогда вблизи платформы Перловская в длинном низком бревенчатом доме, принадлежавшем до революции богатому крестьянину Ивану Федорову [1]. В тот день в магазине было настоящее столпотворение: длинной змеей извивалась очередь, над толпой стоял гул... Скупали соль, спички, мыло – люди знали, что эти товары прежде всего исчезают во время войны... Наивно думать о том, что можно надолго запасти что-либо впрок, но такова психология народа, пережившего войны, революции, годы разрухи и голода... Впоследствии я неоднократно наблюдала, как при том или ином ухудшении внутренней ситуации в стране все три перечисленных продукта немедленно исчезали, либо вызывали возникновение километровых очередей...

...После начала войны мы еще прожили в Перловке некоторое время, хотя ситуация становилась все более тревожной. Немцы сразу же развернули широкое наступление по всему фронту; наши войска отходили – это было ясно, несмотря на ободряющие сводки Совинформбюро. В Москве начались воздушные тревоги, правда говорили, что вначале они были пробными, как бы учебными. Населению было предписано заклеивать крест-накрест бумагой оконные стекла, чтобы они не вылетели во время бомбежки, а на ночь плотно занавешивать окна чем-нибудь темным. Рекомендовалось также рыть во дворах неглубокие окопы – «щели», чтобы прятаться там во время воздушных налетов... Одну такую щель мы вырыли на нашем дачном участке, но маме это укрытие показалось ненадежным. Так что вскоре мы вернулись в Москву и уже в начале июля уехали в эвакуацию.

2. Послевоенные годы

В Москву мы вернулись только спустя три года после начала войны: в августе 1944 года. Хлопот по приезде было очень много: нужно было оформить множество справок, получить продуктовые карточки и «прикрепиться» к соответствующим магазинам. Нас с братом следовало устроить в школы – его в мужскую, меня в женскую: обучение девочек и мальчиков тогда было раздельное, да к тому же большинство школ было занято под госпитали... Организация быта в военное время также представляло большие трудности: газа не было, электричество постоянно отключали; в ход пошли примусы, керосиновые лампы и плитки (керосинки); горючее для них также давали по талонам...

В этих условиях о даче не приходилось и думать, но папа все-таки съездил в Перловку и вернулся очень расстроенный: заготовленные им до войны стройматериалы исчезли. Сторож Тимофей Макарович, находившийся в обычном для него состоянии подпития, уверял, что лес пошел на строительство укреплений, но папа был уверен, что все было разворовано... Доставать стройматериалы в первые послевоенные годы было очень сложно, так что строительство нашего дома законсервировалось на много-много лет.

Все-таки летом 1945 года, сразу же после окончания войны, мы приехали в Перловку, где стоял потемневший сруб с пустыми глазницами окон и серой, неказистой, к тому же местами прогнившей крышей. В торце сруба располагалась брезентовая палатка с рацией, где круглосуточно дежурили военные... Возможно, это был какой-то отголосок минувшей войны; во всяком

случае, когда мы приехали в Перловку следующим летом, этого наблюдательного пункта уже не было...

Сторожка стояла на месте, но все, что в ней раньше было, исчезло. Решительная мама отправилась к нашему сторожу, который к этому времени уже обзавелся собственным домом, и реквизировала у него принадлежавшие нам изначально кровать с металлическими шишечками на спинке и диванчик, на котором в мое отсутствие ночевала коза Машка; днем она щипала траву возле дома Тимофея Макаровича... Диван тщательно отмыли и впоследствии использовали по назначению, но название «козий» за ним закрепилось на долгие годы.

В тот день мы не остались ночевать в Перловке, а в следующий приезд притащили с собой подушки, одеяла, кое-какую кухонную утварь... Но все равно жили мы в то лето на даче периодически: бабушка уже сильно прихварывала, а мама много работала и не хотела оставлять нас одних на большом пустынном участке. К тому же лето выдалось дождливое, а в плохую погоду в тесной избёнке было скучновато. Так что побыв немного на даче, мы брали наши подушки и ехали в Москву, благо, дорога занимала не больше часа... А потом, когда солнышко снова выглядывало, мы опять на несколько дней уезжали в Перловку, нагрузившись хозяйственными принадлежностями и продуктами, которые выдавались по карточкам в Москве – купить что-нибудь на месте, кроме, к примеру, пучка огородной травки, было невозможно...

Эти путешествия в Перловку и обратно мне памяты до сих пор... На станции метро Комсомольская в то время не было эскалатора, ведущего к Ленинградскому и Ярославскому вокзам: его сделали много позже, «разрезав» стену со знаменитой мозаикой «Комсомольская стройка» в левой ее части. Поэтому подниматься на поверхность приходилось по лестнице, располагавшейся с правой стороны холла. Нагруженные тяжелыми сумками, мы медленно поднимались на высоту, примерно, третьего этажа, и мама, смеясь, называла наше шествие «караваном верблюдов». Но вот мы уже в Перловке, идем по сосновой аллее, и каждый глоток целебного воздуха возвращает нам силы и оптимизм. Мы с любопытством осматриваемся, и видим почти повсюду значительные перемены.

Относительно стабильная обстановка сохранилась только на участке №47 – у наших родственников. Брусиловские вернулись из эвакуации раньше нас, и летом 1945 года всей семьей жили в Перловке, хотя Лев Яковлевич и девочки постоянно ездили по делам в Москву. Ирочка поступала в музыкальное училище, а ее сестра восстанавливалась в Институте иностранных языков, куда она была зачислена еще перед войной. К сожалению, Ёлочка уже была больна туберкулезом, полученным ею в годы войны. Преодолеть это заболевание, несмотря на все усилия врачей, ей не удалось, и через несколько лет она скончалась.

А вот на соседнем участке – полная перемена декораций. Предпринимателей из Грузии арестовали еще перед войной, и они вместе со своими детишками бесследно исчезли. Теперь на нижнем этаже дома жил главный инженер одного из оборонных предприятий, расположенных в Болшеве, по фамилии Маненок, с женой Елизаветой Михайловной, крупной представительной дамой, и двумя взрослыми сыновьями: Анатолием и Львом. Верхний этаж занимала семья секретаря Мытищенского горкома Соловьева; его дочка Рита была года на два меня постарше. Годы через три-четыре Соловьевы получили городскую квартиру, и вместо них на верхнем этаже поселились их родственники: пожилые женщины и дочь одной из них, Галя. Впоследствии она вышла замуж за работника Внешторга – Владимира Полякова, и у них было двое детей: Андриюша и Мариша.

В какой-то период нашей жизни мы сблизилась с молодыми Поляковыми, но они много жили за границей, так что мы больше общались с бабушкой Галины – авторитетной и очень приятной Любовью Ивановной – и ее дочерью Лидией Владимировной. Последняя имела явно выраженные склонности к общественной работе. В отсутствие внуков она летом устраивала в Перловке «детскую площадку». Сейчас все забыли, что это такое, а до войны и сразу же после ее окончания такая форма работы с детьми была развита...

...Три раза в неделю в определенное время Лидия Владимировна бодрим шагом направлялась к пустующему участку, расположенному недалеко от станции, нагруженная настольными играми и интересными книжками. Она вывешивала на заборе красный флаг, привинчивала в

дощатому столу сетку для пинг-понга, расставляла на лавочке шахматную доску. И, представьте, ее уже ждали ребята-школьники из окрестных домов, так что детская площадка никогда не пустовала...

...В доме за прудом также произошли перемены: там обосновались новые жильцы, и я лишилась своей довоенной подружки Анечки; впоследствии старый дом Бородиных был полностью перестроен ⁷⁾. Таким образом, прежние друзья исчезли, а новых мы еще не приобрели. Компанию нам составлял двоюродный брат Сережа Бремзен, который приезжал на дачу сначала с бабушкой Анной Харитоновной, а потом и один. Втроем нам было веселее: мальчишки играли в футбол и в шахматы, а мы все вместе – в карты. Я обычно оставалась «в дураках», так как не могла противостоять своим братишкам: они запоминали все карты и обыгрывали меня, как маленькую... В то лето я полюбила наш недостроенный дом, как, может быть, мать любит своего больного ребенка. Часто я взбиралась по бревенчатой стене к оконному проему и усаживалась там. Любуясь прудом, который плескался за невысоким забором, я читала, вышивала, а иногда просто мечтала о чем-то смутном, неопределенном как легкая рябь на поверхности воды...

Только в 1948 году вторая часть нашего дома – доля академика Проскуры – была продана Ревекке Исааковне Примаку, муж которой, Андриан Борисович Стависский, работал в какой-то строительной организации и имел вследствие этого определенные возможности. Он начал активно застраивать свою половину дома, а также по соглашению с папой сделал на нашей половине полы, потолок на первом этаже, окна, двери, «парадное» и черное крыльцо. Второй этаж законсервировали, а крышу перекрыли: окончательно прогнившую дранку заменили шифером. Мы были счастливы и летом 1949 года въехали в новое помещение, не имевшее перегородок и представлявшее собой открытое пространство с небольшой выступающей частью «пятой стены»: дом был заложен как пятистенка. Условно распределили комнаты: возле черного крыльца – кухня, на этой же стороне – столовая, где стояли большой стол, стулья, купленный на рынке подержанный шкаф-поставец и топчан для Саши. На противоположной стороне дома, выходящей на пруд, были условно обозначены спальня родителей и моя комната, «индивидуальность» которой определял старинный прямострунный рояль, купленный здесь же в Перловке по объявлению. Это было необыкновенно ценное приобретение: я сама увлекалась музыкой, а впоследствии на этом рояле играли мои дети, ставшие профессиональными музыкантами.

...Конец сороковых и начало пятидесятых годов запомнился мне как некий «строительный бум», и, прежде всего, активно застраивалась четная сторона Сосновой улицы. Рядом с домом Муштаковой возводился большой двухэтажный дом для врача Перловской поликлиники Вениамина Васильевича Рыбаченко и его сестры Фаины Васильевны, муж которой Петр Никонорович Шпанов, был деканом Геологоразведочного института. Дальше уже построили дома для директора школы №5 Риммы Дмитриевны Лучинцевой (Т.В. Муштаковой уже не было в живых) и учителей той же школы... У новоселов на Сосновой улице были дети, так что с некоторыми из них я познакомилась уже следующим летом 1946 года.

...Однажды, заглянув в дырку забора, я увидела на участке Горбачевских двух симпатичных девочек моего возраста, которые сидели на травке и вышивали. У одной девочки были длинные белые косички, а у другой – темно-русые. Заметив меня, подружки заулыбались: «Это ты живешь в избушке? А как тебя зовут?» Мы познакомились. Белокурую и голубоглазую девочку звали Алла Демидова, она была моя ровесница и вместе с мамой и отчимом С.И. Бржезовским жила в доме Горбачевских. Отец Аллы погиб на фронте, старший брат учился в нахимовском училище в Ленинграде... Темноволосая девочка оказалась дочкой П.Н. Шпанова; ее звали Рита, и была она года на два моложе нас с Аллочкой... Так началось наше многолетнее знакомство с этими милыми девочками. На зиму мы расставались, так как они жили в Перловке постоянно и ходили в местную школу №5, но летом мы с удовольствием встречались и проводили вместе время.

В послевоенные годы на Сосновой улице образовалась большая и дружная детская компания. У Риты Шпановой были братья: Женя, студент-геолог, и Шурик, наш ровесник. В.В. Рыбаченко, наш участковый врач, а впоследствии главврач Перловской поликлиники ⁸⁾, был родным

дядей Риты; у него было двое детей: Гарик и Олечка. Они были моложе нас, но Гарик, вследствие своей ловкости и общительности, был полноправным участником игр старших ребят. Были дети и у других обитателей Сосновой улицы. Помню Вовочку Шибаева, младшего сына Муштаковой, нашего ровесника, очень застенчивого, но необыкновенно талантливого мальчика, окончившего впоследствии химический факультет Московского университета и сделавшего научную карьеру.

У директора школы №5, Риммы Дмитриевны Лучинцевой, были дочь Таня и сын Игорь, о котором хочется написать особо. Это был очень яркий, активный мальчик, председатель совета пионерской дружины школы. Но в разгар эпидемии детского полиомиелита, которая разразилась в нашей стране в начале пятидесятых годов, его постигло большое несчастье: он заболел, вначале как будто гриппом, а потом у него парализовало ноги... Просто поразительно, как этот мальчик мужественно переносил свое несчастье и даже продолжал возглавлять детское сообщество. Запомнилась такая картина: ребята с Сосновой улицы идут в школу и везут инвалидную коляску, в которой сидит Игорь Лучинцев. Все весело болтают, смеются, а парализованный мальчик громче всех.

Летом поперек Сосновой улицы протягивали волейбольную сетку, и две команды азартно сражались «на вылет», так как третья команда уже стояла наготове. Судил соревнование Игорь Лучинцев, сидевший возле сетки в своей коляске, азартно свистевший в настоящий судейский свисток и по ходу матча выкрикивавший: «Аут!»... «Подача слева!»... «Счет шесть четыре! Мяч направо!»... Иногда на той же Сосновой устанавливали стол для пинг-понга, и соревнования приобретали индивидуальный характер, но неизменным справедливым судьей был опять-таки Игорь. Я интересовалась впоследствии, как сложилась судьба этого мальчика, и узнала, что он прожил свою жизнь как полноценный человек: закончил школу, институт, успешно работал, был женат...

Игры на Сосновой улице были возможны потому, что местные жители в то время не имели автомобилей, и ребята не создавали препятствий движению транспорта. Вспоминается также, что на участке Муштаковых было оборудовано поле для крикета, и ребята с нашей улицы очень увлекались этой «нетипичной» для нашей российской действительности игрой.

Мой брат Саша легко и быстро вошел в ребячий коллектив: он был очень спортивным мальчиком, а, кроме того, хорошо играл в шахматы – имел квалификационные разряды, в девятом классе стал кандидатом в мастера. Он увлек этой игрой ребят с Сосновой, и мне вспоминается такая картина: Саша сидит в комнате, а во дворе на травке расположились с шахматной доской Вовочка, Шурик Шпанов и Гарик: Саша играет с ними, не глядя на доску...

Я же была застенчивой по характеру и больше стремилась к индивидуальному общению; к тому же у меня появилась подружка прямо на участке. Это была дочь А.Б. Стависского и падчерица Р.И. Примак – Лена – девочка моих лет. В первые дни войны её вместе с другими детьми увезли с Украины, где жила семья Стависских, на Алтай, и она даже не смогла увидеться перед отъездом с родными. Отец её был на фронте, и Лена ничего о нем не знала. Но однажды, когда она выступала с детской самодеятельностью в госпитале, один из раненых бойцов, услышав её фамилию, сказал, что воевал на фронте вместе с её отцом, и дал девочке адрес его полевой почты. Лена написала папе письмо, и как только получила на него отклик, сумела одна, почти без денег, добраться из Семипалатинска до своего родного города и вновь обрести семью...

Впрочем, жилось ей в этой семье исключительно трудно. Родители работали и на двенадцатилетнюю Лену нагружали все домашние дела и пятилетнего братишку Юрика. Наши соседи были весьма практичными людьми, они завели огород, всякую живность, в частности, уток, чтобы использовать полезное пространство располагавшегося за забором пруда. И Лена должна была убирать, готовить, кормить братика, полоть огород. Кроме того, каждый день требовалось собирать большое количество травы, измельчать ее тупой и пускать на корм уткам.

Мы с Сашей очень сочувствовали Лене: ведь у нее не было мамы, и она трудилась, как настоящая Золушка... Да и одевали ее не лучше... Мы целый день крутились около Лены, слушая ее бесконечные рассказы. Она имела обширный, в основном, негативный жизненный опыт,

приобретенный ею в скитаниях и детских домах. Но несмотря на это, характер у нее был, поистине, золотой, а манера общения подкупающей; к тому же она была миловидной и артистичной.

Часто мы ходили вместе с Ленно собирать траву для уток. Где-нибудь в тенистом закоулке, среди обширных зарослей лебеды и заячьей капусты, мы переворачивали кверху дном корзину, Лена вытаскивала из кармана передника колоду карт, и мы с упоением погружались в игру... А потом, спохватившись, принимались все втроем поспешно собирать траву...

Осенью Лене купили форму, и она пошла в школу. Когда мы на следующее лето приехали в Перловку, она с упоением рассказывала нам о своих успехах в школьном драматическом кружке: по ее словам, во всех спектаклях она играла главные роли. Но после школы она должна была по-прежнему исполнять свои многочисленные домашние обязанности...

Еще одно лето пролетело, как сон, а в следующий наш приезд мы увидели соседку Ревеку Исааковну с колясочкой: у нее родился второй сын – Боря, а вот Лены уже не было... Оказывается, зимой она сбежала в Ташкент, к родственникам своей матери, прихватив кое-что из домашних вещей... Но ведь надо же ей было купить на что-нибудь билет и хоть какую-нибудь еду на такую дальнюю дорогу... Я часто вспоминала Лену, и была рада узнать, что судьба ее в дальнейшем сложилась вполне счастливо. В середине шестидесятых годов она приезжала в Перловку повидаться с родными вместе с мужем и двумя милыми детишками: Игорьком и Мариночкой. Мы с ней встретились и со смехом вспоминали наши походы за травой для уток...

...На моей памяти началась застройка нечетной стороны улицы Семашко, видимо, это произошло в начале пятидесятых годов прошлого века. Во всяком случае, Алла Демидова, заканчивавшая школу №5 в 1951 году, сообщила мне, что даже в последний ее школьный год ребята с Сосновой улицы ходили через «Перловский парк», где еще не было никаких строений, кроме видневшихся вдалеке церкви и небольшого дома перед ней. Церковь в 1940 году была превращена в коммунальный жилой дом: там поселили четыре семьи, а построенный близ нее в 1942 году дом принадлежал генералу Ю.В. Говядкину.

В 1952-53 гг. против нашего участка, по адресу ул. Семашко, №15, возвели двухэтажный дом, который принадлежал преподавательнице и декану Московского полиграфического института Ольге Македоновне Панферовой. Ее муж, по фамилии, кажется, Рахматуллин, преподавал на механико-математическом факультете МГУ, и мой отец попросил его поговорить с братом Сашей, который в 1953 году закончил школу с серебряной медалью и собирался поступать в университет. Наш сосед протестировал Сашу и нашел, что он вполне подходит для обучения на мехмате. Мой брат подтвердил это заключение своими последующими успехами: он с отличием закончил курс обучения, поступил в аспирантуру, а затем защитил диссертацию, посвященную вопросам устойчивости механических систем со многими степенями свободы...

Справа от дома №15 годом позже был построен дом для заслуженной учительницы Зинаиды Васильевны Базановой, хотя отведенный ей участок был мало пригоден для жилья: там было очень сырое место, видимо, на поверхность выходили подземные воды. Ребята с Сосновой улицы рассказывали, что весной там было невозможно пройти к школе: потоки воды низвергались сверху к пруду и дальше – к реке Яузе. Видимо, площадку под застройку дома удалось каким-то образом осушить, да и дом построили выше общего ряда строений, но все равно в жилище Зинаиды Васильевны было сыро, а в нижней части участка, выходящего на улицу Семашко, всегда стояла вода. Жителей этого владения мы называли «болотными».

Слева от дома Ольги Македоновны, по ул. Семашко, №13, построил себе дом протоиерей, служивший, чуть ли не при патриархе. У него была жена, певчая церковного хора, и трое детей: два мальчика учились играть на духовых инструментах, дочка Варя собиралась учиться на фортепиано. Семейство было музыкальное; иногда мы слышали пение главы семейства, готовившегося к службе в храме.

Я не помню всех владельцев участков, располагавшихся против нас. В памяти осталось владение некоего Симановича (кажется участок №7 или №9) который часто заходил к моему отцу посоветоваться по вопросам строительства. Он возвел капитальный дом, но вскоре после этого исчез, а в доме поселилось большое семейство во главе с энергичной бабушкой; один из ее внуков серьезно учился музыке, и когда мы гуляли по улице, часто слышали доносившиеся

из дома чарующие звуки фортепиано. Хочу добавить к этому, что Перловка, по крайней мере, наш район в то время была заселен высоко культурными семьями; об этом можно судить хотя бы по наличию музыкальных инструментов, которые были почти в каждом доме: у Брусиловских, у Поляковых, у нас... И на этих инструментах играли, вот что важно... А жена С.Д. Горбачевского, Ксения Максимилиановна, была профессиональной пианисткой и давала уроки музыки...

Отмечу, что все дома как по улице Семашко, так и по Сосновой строились капитально, с печами и утепленными окнами. Люди жили в Перловке круглый год, а работали большей частью в Москве. Дачниками из всех окрестных жителей были только мы и Брусиловские...

...Если, миновав дом Говядкина, свернуть направо, то можно было выйти на большое открытое пространство, где в 1952 году построили кинотеатр «Юность». Это замечательное строение напоминало по архитектуре афинский Парфенон: высокий красивый портик, колонны по боковым сторонам... Культурная жизнь Перловки набрала новые обороты: без хлопот и лишних затрат времени можно было посмотреть всё новое, что появлялось на экране, а также демонстрировавшиеся в пятидесятых годах так называемые «трофейные фильмы» – картины иностранного производства, которые по политическим соображениям не всегда пускали на широкий экран...

Позади кинотеатра располагались скамейки, сидя на которых зрители ожидали очередного сеанса. Один раз на этом свободном пространстве мне необыкновенно повезло. Это произошло в 1955 году, когда в Музее изобразительных искусств перед отправкой в Германию были выставлены картины Дрезденской галереи. У меня не было возможностей попасть на эту выставку, и я насторожилась, услышав разговор двух сидящих рядом со мной женщин: «Как жалко, достали билеты в Музей, а пойти некому...» – «Ах, ах! Я тоже завтра работаю...» – Тогда я набралась нахальства и проговорила: «Извините ради Бога, но не отдадите ли вы эти билеты мне?» – Представьте, они мне их отдали, и я получила незабываемые впечатления от созерцания величайших шедевров мировой живописи... О Сикстинская мадонна! Ты пленила меня навсегда!

Прошло больше пятидесяти лет...2011 год... Иду по улице Семашко по направлению к «Эрисману»... Нашего дома давно нет, а на его месте что-то вроде «площадки отдыха»: полянка, окруженная кустами и деревьями... Нет и других деревянных строений по четной стороне улицы: теперь там возвышаются многоэтажные, поставленные близко друг к другу дома... А вот нечетная сторона улицы сохранилась... Город Мытищи подошел к проезжей части улицы Семашко, но не смог ее форсировать, и сейчас непрерывный поток машин течет мимо деревянных обветшавших домов, за глухими заборами по-деревенски лают собаки... Через узкий проход мимо дома Говядкина (не знаю, чей он теперь) выхожу на свободное пространство, где некогда красовался кинотеатр... Его уже нет: сгорел в 2002 году. На этом месте теперь устроен круг, очерченный асфальтовой дорожкой, такие же дорожки идут в радиальных направлениях; красиво расставлены скамейки, на них сидят люди, дышат целительным сосновым воздухом... Детишки бегают, играют на травянистом пространстве... Жизнь не стоит на месте, и все сопутствующие ей перемены правомерны...

3. Жизнь в большом доме на берегу пруда

В пятидесятых годах завершилась, наконец, постройка и отделка нашего дома. Этому способствовало знакомство с необыкновенным плотником, народным умельцем, Глебом Егоровичем Громовым. Было ему уже около восьмидесяти, а, может быть, даже и больше. Грамоте он не знал, подписывался тремя крестами, но мастер был необыкновенный. Совершенно один, без какой-либо помощи, он построил нашим соседям и нам застекленные веранды площадью около 30 метров на нижнем этаже, а потом балконы наверху. Наш дом приобрел, наконец, законченные очертания и с тех пор выделялся среди окрестных строений своими размерами и архитектурной завершенностью.

Потом Глеб Егорович сделал перегородки на нашей половине дома и у нас образовалось три комнаты и кухня. Соседям Глеб Егорович оборудовал верхний этаж. Он работал у нас не-

сколько лет, причем жил зимой и летом в домике-сторожке, где была печка. Продукты ему привозила племянница Шура.

Большая веранда в нашем доме совершенно изменила направление нашей жизни. Половину ее площади занимал обеденный стол, и наша гостеприимная мама постоянно принимала родственников и знакомых. На оставшейся половине танцевала молодежь. Брат Саша подрос и стал интересоваться танцами, причем меня использовал в качестве тренировочного манекена. Тогда были приняты парные танцы: вальсы, танго, фокстроты... К тому же культивировались так называемые бальные танцы, всякие там краковяки, венгерки, польки и т.п. Мы все это умели танцевать. У нас был патефон и хорошие пластинки, в том числе довоенный заграничный джаз, поэтому мы с братом были, как он говорил, «ценными агентами».

Вечерами к нам приходили танцевать ребята из окрестных домов, и папа, сидя в кресле, с удовольствием наблюдал наши увеселения, и даже иногда сам принимал в них участие: приглашал меня на тур вальса. Мама тоже могла станцевать с братом Сашей, а потом приглашала всех за большой стол попить чайку...

Наши соседи были практичными людьми. Сами они жили в нижнем этаже дома, а комнаты наверху сдавали, причем люди иногда у них жили по нескольку лет. Дети этих жильцов, почему-то всегда это были девочки, обычно становились моими хорошими подругами. Много лет я дружила с Ниной Калиш, которая училась в пятой школе и была года на два старше меня. Мы с ней танцевали не только у нас на веранде, но ходили с нашим патефоном и пластинками в Тайнинку, где у Нины была знакомая компания. Помню теплые погожие вечера на открытой веранде деревянного дома, музыка растворялась в наступавших сумерках и казалась волшебной; и у меня было такое ощущение, что я не танцую, а парю над вполне прозаическим щелястым полом.

В 1949 году Нина закончила школу и поступила в МОСРИБВТУЗ, и поэтому в нашей семье она числилась как Нина Рыбная. Папа в шутку агитировал ее привезти ему с практики не какого-нибудь «рамчатого», а настоящего зеркального карпа, и милая, обязательная Нина действительно однажды появилась у нас на московской квартире с обещанной рыбиной в сумке... Нина жила вместе с матерью, и были они обе какие-то несчастные и заброшенные, скитались по съемным квартирам. На последнем курсе института Нина неожиданно и скоропостижно умерла... Ее мать, Екатерина Ивановна, и вообще-то не вполне адекватная женщина, после смерти дочери совсем тронулась умом и закончила свою жизнь в психиатрической больнице...

Более счастливо, я надеюсь, сложилась судьба другой жилицы Стависских – Гали Медведовской. Она была меня существенно моложе, но мы с ней душевно дружили несколько лет. Галя была полновата, очень этого стеснялась, но со мной ей было хорошо, так как я ее искренне любила. Галя была единственной дочкой любящих родителей, которые очень о ней заботились. Она после школы поступила в медицинский институт; к этому времени Медведовские получили жилплощадь в Москве и уехали из Перловки. Но Галя еще не раз приезжала к нам в гости; она изменила прическу, похудела и стала очень интересной девушкой. Последний раз я видела ее в метро с молодым человеком...

Но, конечно, самой любимой подружкой у меня в Перловке была Аллочка Демидова. По линии матери у нее были польские корни, а как известно, польки – это самые очаровательные женщины, по крайней мере, в Европе. Аллочку все любили в школе и на нашей улице, где она появлялась чаще всего с маленьким братишкой Сашей, который у нее появился в пятидесятых годах. Я, конечно, не могла претендовать на ее исключительное внимание, тем более, что жила в Перловке только летом. Но в 1951 году мы обе закончили школу, поступили в институты: я в горный, Алла в инженерно-экономический – и получили возможность встречаться также в зимнее время. Тем более, что Аллочка жила у своей тети на Покровском бульваре, а я – недалеко от нее на Уланском переулке.

Когда мы учились на третьем курсе, то вместе с ней и братом Сашей ездили на зимних каникулах в дом отдыха «Бекасово». Там было очень весело: мы гуляли, катались на лыжах и коньках, каждый вечер танцевали. Помню Аллочку, летящую в вихре вальса: кружится юбочка в складку, разлетаются длинные светлые косы... Все вокруг очарованы... Весело отпразднова-

ли мы свадьбу Аллы слевой Петрашко – студентом Института стали и сплавов. Гостями были, помимо родственников, все ребята с Сосновой улицы...

Потом Аллочка уехала из Перловки и жила с мужем в Салтыковке. Позже они получили квартиру в Люберцах, где у них родился сын Алёша... Мы потеряли связь, но после большого перерыва снова встретились уже в Москве, где супруги Петрашко получили квартиру. Наше общение возобновилось, хотя в последние годы на долю каждой из нас выпали тяжелые, даже трагические испытания... Но когда я беседую с Аллочкой – Альвиной Степановной Петрашко – я вновь обретаю душевное равновесие: такой она прекрасный, доброжелательный, разумный человек...

Но вернемся к началу пятидесятых годов, в нашу счастливую юность... Осенью 1954 года, будучи студенткой четвертого курса Московского горного института, я вышла замуж за своего однокурсника Бориса Менькова, и так как в Москве наша семья жила в коммунальной квартире, то мой отец предложил нам поселиться в Перловке. Так что именно там и начиналась наша семейная жизнь.

Мой муж, уроженец небольшого подмосковного города Егорьевска, был от этой перспективы в восторге: ему очень нравилась Перловка, к тому же он был привычен к печному отоплению, керосинкам, «удобствам» во дворе, хождениям за водой на другой конец квартала... Я же, выросшая в доме со всеми удобствами, не была приспособлена к деревенской жизни в зимних условиях и откровенно ею тяготилась...

Утром мы просыпались в остывшем за ночь доме, наспех собирались и бежали на электричку, а рядом с нами трусил соседская собака Альма, пролезавшая в дырку под забором и сопровождавшая нас до самой платформы. Когда электричка начинала движение, собака возвращалась домой... Это был приятный момент в нашей жизни – трогательное отношение к нам животного...

Мы с мужем учились на разных специальностях, и наше расписание часто не совпадало. Поэтому, если мне нужно было ко второй паре, то мы оба ехали попозже, а если у Бори занятия кончались раньше, чем у меня, то я убегала с последних пар, и мы ехали в Перловку, чтобы поскорее затопить печку и согреть выстуженный дом. Занятия наши начали, естественно, страдать, и мама, в конце-концов, забрала нас обратно в Москву, где мы жили в тесноте, но не в обиде... И даже нажили себе сына Алёшу.

Он у нас родился в начале августа, и через неделю после выписки из больницы мы уже приехали с ним в Перловку, хотя условия для ухода за младенцем были там в достаточной мере суровые. Ни о каких памперсах в то время и не слыхивали – они появились лет 25, как не больше, спустя. Детей пеленали традиционным способом, а пеленки полагалось кипятить и гладить с двух сторон... Водопроводная колонка была у нас на повороте улицы Семашко, за бывшим домом Бородиных. Чтобы иметь под рукой горячую воду, мы разводили самовар, потом заливали кипятком отстиранные пеленки и ставили их на примус... Гладили пеленки углевыми утюгами, страшно неудобными. Но все это никого не смущало – все так жили. Зато наш сыночек дышал свежим воздухом, напоенным целебным сосновым духом, и рос не по дням, а по часам...

Нам казалось, что мы дали ребенку редкое, во всяком случае, забытое имя, но оказалось, что тем же летом 1955 года на нашей улице родилось еще два мальчика, названные Алексеями – и с тех пор пошла мода на это имя... Один из этих мальчиков был внуком учительницы Зинаида Васильевны; мы его называли «Алёша Болотный», и дружба его с нашим сыном началась с младенчества и продолжалась больше 20 лет, пока жизнь и московская суета их не развела. Так же долго дружили мы и с родителями Алёши: Лилей и Алексеем Базановыми.

На пятом курсе занятия у нас начинались в октябре, поэтому мы весь сентябрь жили в Перловке. Погода стояла по-летнему теплая, и я качала своего сыночка в легком платьице под молодыми яблоньками, которые мы с Борей и его товарищем Юрой Симаковым рассадили осенью... Но 30 сентября, как сейчас помню, вдруг подул ураганный ветер, неожиданно резко похолодало, к утру выпал снег, и нам пришлось срочно ретироваться в Москву.

Минула трудная зима 1955-56 года. Мы кончали институт, защищали дипломы, устраивались на работу, но уже в мае 56-го года мы были в Перловке. Такова была установка нашей мамы: ребенку нужен свежий воздух, а все остальное неважно... Этим летом в Перловке по улице Семашко проводили водопровод, и наши молодые люди: Саша и Боря копали траншеи, укладывали трубы, вводили воду в дом. Мы все ликовали – кончилась мука по дистанционному снабжению водой нашего большого семейства. Наличие воды в доме позволило нам прожить в Перловке не только сентябрь, но и октябрь. Печь на кухне у нас была «шведкой», то есть с внутренней плитой, на которой можно было готовить еду и создавать запас горячей воды, что было очень важно для хозяйства. На работу мы с Борисом ездили из Перловки.

А вот когда провели в Перловке газ, я точно не помню, во всяком случае, летом 1958 года его еще не было. Тогда у нас на даче появился еще один ребенок: в июне к нам привезли восьмимесячную Олечку, дочку моего брата Саши и его жены Рены. Девочка была очень больна, у нее была диспепсия – по-нынешнему, дисбактериоз. И тут я должна с огромной благодарностью вспомнить врачей Перловской детской поликлиники, которые, буквально, возродили ребенка...

Детская поликлиника помещалась на Железнодорожной улице, по ту сторону железной дороги от нас, рядом со взрослой поликлиникой и старинным зданием аптеки. Мы вызвали врачей на дом, и к нам в тот же день пришли участковый врач и специалист по диетологии, а также кардиологии доктор Яновская (или Янковская). Они внимательно осмотрели нашу Олечку, сделали медикаментозные назначения, а главное, составили для нее подробную схему питания: пять раз в день ребенку полагалось давать в небольшом количестве по два-три блюда. Замечу, что детского питания в магазинах тогда не было, но при поликлинике функционировала молочная кухня, где мы ежедневно брали молочко и кефирчик. Рекомендованные врачами супчики, каши, кисели готовила на керосинке мама, а на другом подобном агрегате варилась еда для нашего большого семейства. Врач Яновская периодически навещала свою маленькую пациентку и вскоре смогла констатировать, что ее здоровье начало восстанавливаться: девочка заметно прибавила в весе и порозовела... Думаю, что целебный Перловский воздух сыграл здесь не последнюю роль...

В один из последующих годов по улицам Семашко Сосновой проводили газ, так что все обитатели этой части Перловки оборудовали свои дома газовыми плитами, а через некоторое время, когда появились нагреватели АГВ, смогли сделать паровое отопление.

Население дома у пруда, по улице Семашко 10, систематически увеличивалось. Выросли сыновья наших соседей Стависких, в свое время женились, и у каждого родилось по двое детей: у Юры – Дина и Миша, у Бори – Наташа и Саша. У нас тоже в 1965 году родилась дочка Ирочка... Шестидесятые годы были для всех обитателей дома относительно спокойными, быть может даже счастливыми. Условия жизни были близки к городским. Снабжение продуктами было таким же, как в Москве, а кроме того, здесь был хороший рынок возле станции, где можно было купить зелень, мясо, молоко. На базарной площади работали также небольшие продуктовые точки и функционировал прекрасный хозяйственный магазин, где можно было купить все, что угодно, вплоть до мебели...

Украшением Перловки был двухэтажный универмаг, построенный сразу же после войны. Больше сорока лет простоял он на базарной площади в Перловке, и все эти годы мы были его усердными посетителями. На первом этаже был большой продуктовый отдел, на втором – промтоварный. Позже внизу также сделали хороший обувной отдел. Из-за специфики загородной, как бы даже «деревенской» торговли в этом магазине можно было легче и проще купить многое из того, что в Москве было почти недоступно. Здесь все товары были в одном месте, а покупателей не так много; совершенно отсутствовали «приезжие» – бич тогдашних московских магазинов. Когда стали подрастать мои дети, я стремилась летом купить им все на зиму, чтобы потом, разрываясь между работой и домашними делами, не бегать по Детскому миру. Приведу, бывало, свою ребятню в обувной отдел, усажу на скамеечки и перемеряю всю необходимую обувь: зимние сапоги, осенние башмаки, сандалики на лето и даже чешки для уроков физкультуры. Кеды, туфельки, валенки с галошами... Все можно купить, да и продавцы были не такие

нервные, как в московских магазинах: к тому же за столько лет уже всех их знали в лицо и даже по имени, так что они были для нас, вроде бы даже, знакомыми, а потому не хамили, и стремились помочь в выборе товаров. Скажем, не подходит сапожок, а Зина (Тоня, Нина) скажет: «Пойду посмотрю, нет ли побольше (поменьше, посвободнее)». И вправду, через некоторое время вынесет то, что нужно, в самый раз. Вот и идем мы потом с детьми, довольные, нагруженные покупками, со спокойной душой. А универмаг, окрашенный в последние десятилетия своего существования в розовый цвет, сияет нам вслед своими многочисленными окошками...

Примечательно, что в конце шестидесятых годов я приспособилась ездить на работу прямо из Перловки, минуя Москву. Я уже несколько лет преподавала в Московском институте радиотехники, электроники и автоматики (МИРЭА), и у нас были учебно-консультационные пункты (УКП) непосредственно на режимных предприятиях. Так вот я взяла себе такую точку на Лианозовском радиозаводе и очень быстро добиралась туда через станцию Лосиноостровская, откуда ходил маленький состав из трех-четырех вагончиков до Института пути. Правда, возвращение поздним вечером назад в Перловку занимало до двух часов, так как приходилось ехать через город. Но это уже меня не лимитировало: дома были взрослые, и я не беспокоилась о детях.

Мои родители были здоровы, радовались нашим успехам. Они с удовольствием принимали гостей, некоторые жили у нас неделями: это родители моего мужа, двоюродные сестры матери, которые почти каждое лето приезжали в Перловку из знойной Астрахани и наслаждались здесь прохладой и особенной свежестью воздуха – ведь дом стоял на берегу пруда! К папе приезжали его аспиранты из Тульского политехнического института, где он работал в последние годы жизни... В большом доме всем хватало места... На участке всегда играло много детей. Товарищами старшего сына Алёши были сыновья Ирины Львовны Брусиловской: Миша и Лёва, а также подросший Алёша Базанов (Болотный). Ирочкиной подругой была ее ровесница Диночка Стависская.

Но все изменилось в 1969 году.... В феврале этого года тяжело заболел мой отец и осенью того же года он скончался. А вслед за ним зимой 1970 года ушли мама и брат Саша....

4. Последний этап дачной жизни

В начале июня 1970 года мы открыли дверь веранды и зашли в наш опустевший дом... Мы – это Меньковы: Борис Васильевич, я, его жена, наши дети Иринка и Алеша; наш третий ребенок, семимесячный Егорушка, мирно спал в коляске... Среди страданий, похорон, поминок минувшей тяжелой зимы он появился на свет, чтобы дать нам силы все перенести и поверить в конечное торжество жизни...

Я поднялась наверх, в Сашину комнату. Открыла дверь и почувствовала какое-то легкое прикосновение на своем лице: словно кто-то меня погладил... Я вздрогнула и не сразу сообразила, что это была паутинка...

Но пора было кормить детей. Газ и водопровод, слава Богу, были в порядке и функционировали, так что я быстро разогрела привезенную с собой еду и посадила всех за стол. И тут мы снова ощутили щемящее чувство утраты: наша маленькая группка сиротливо выглядела за громадным семейным столом, где раньше собиралось по 12-15 человек... Тогда мы поставили небольшой стол в торце террасы и с тех пор ели, преимущественно, за ним. Конечно, со временем переживания утратила свою горечь и остроту, жизнь пошла своим чередом, и мы еще много раз впоследствии собирались за большим столом. Тем более, что вскоре наше исходное семейство начало «разбухать»: к нам стали каждое лето приезжать из Егорьевска родители моего мужа: Василий Михайлович и Анастасия Васильевна Меньковы. С собой они обычно захватывали внучек – племянниц Бориса Васильевича, а навещать этих девочек заезжали их родители – братья и сестры Меньковы. Опять была «полным-полна коробушка»... «Свято место пусто не бывает...» – и слава Богу!

Быть может, именно в то лето мы впервые обратили внимание на то, что на Перловку началось наступление города Мытищи. Конечно, мы и раньше видели многоэтажные дома, которые маячили где-то в Заяузье, но от нас это было далеко, а ходить-гулять мне было некогда. Но ле-

том 1970 года наш Алёша поступал в музыкальное училище и готовился к экзамену по сольфеджио с учительницей, которая жила в Новых Мытищах – тогда мы впервые побывали в новых кварталах. А потом оказалось, что совсем рядом с нами возник Дом быта, и мы даже ходили туда стирать белье и чинить обувь...

Параллельно начали сносить старые дома на нечетной стороне улицы Семашко против зданий бывшего Московского кооперативного техникума (не знаю, что там сейчас помещается); каждый год мы замечали новые многоэтажные дома, которые ставили торцом к проезжей части улицы. Среди жителей нашего отрезка улицы Семашко циркулировали слухи о сносе домов в ближайшее время, как будто бы даже зафиксировали всех, кто имел постоянную прописку в Перловке... Но мы все были прописаны в Москве, так что покорно ждали решения своей судьбы.

В таком «подвешенном» состоянии мы прожили больше десяти лет после смерти родителей: город наступал медленно, и было такое впечатление, что новые кварталы никак не решатся перейти через реку Язузу... Жизнь требовала своего, и мы даже в 1974 году сделали ремонт: меняли подгнившие венцы с одной стороны дома, переклеили обои в комнатах, покрасили полы и бревенчатые стены на веранде.

Возле дома на берегу пруда слышался детский смех: резвились наши дети и их приятели. Огорода у нас не было, так что можно было играть в футбол и в баскетбол – на сосне висел старый венский стул без сиденья. Был у нас также стол для пинг-понга, этой игрой увлекались все члены нашего семейства – большие и маленькие. В доме звучала музыка: играл не только Алёша, но и маленький Георгий, за которым с момента помещения его в детский сад закрепилось имя *Жора*; он, как и старшие дети, проявлял хорошие способности к музыке. А Ирина уже серьезно играла на скрипке, готовилась поступать в училище при Московской консерватории. Чтобы никому не мешать, она обычно занималась на верхней веранде дома, и мне было очень приятно, когда соседи меня уверяли, что девочка им нисколько не мешает, а даже доставляет удовольствие своей игрой. Может тут свою роль играл и пруд: музыка над водой всегда звучит как-то особенно поэтично.

В июне 1977 года мы отпраздновали свадьбу Алёши с его однокурсницей Наташей Данченковой. Оба они были студентами консерватории, так что среди приглашенных было подавляющее большинство музыкантов, и в доме до поздней ночи звучали рояль и скрипки. Ввиду позднего времени многие гости, а всего их было 55 человек, остались ночевать у нас в доме, а кому не хватило места, ушли на дачу к Брусиловским, и там продолжали веселиться до утра.

Зиму 1977-78 гг. наши молодые прожили в Перловке: в доме были, практически, все удобства, старый рояль позволял им заниматься по специальности... Мы с младшими детьми приехали на дачу только после окончания занятий в школе. и сразу же нам пришлось взяться за некоторые преобразования, а именно, устройство комнаты для младенца: в конце июля у нас родилась внучка Марина – представительница четвертого поколения обитателей дома на берегу пруда. А следующим летом малышка уже ходила по комнатам, осторожно ощупывая ножкой высокий порожек при выходе на веранду.

Лето 1979 года было для нас последним... Осенью начали сносить дома на Сосновой и на четной стороне улицы Семашко, причем первым на снос был обречен наш дом... Мне было очень больно, что дело папиных рук, дело его жизни, исчезнет без следа, но тут нашлись люди, которые купили на своз весь дом, обе его половины, со всем, что там находилось. Я не видела, как разбирали наш дом, но муж, присутствовавший при этом, рассказывал мне, что новые владельцы тщательно пронумеровали толстые брёвна стен, половые доски, рамы и двери... Они увезли все это в Монино, и я надеюсь, что там до сих пор стоит и красуется наш дом... Только живут в нем теперь чужие люди...

...В 1985 году мой муж Борис Васильевич получил садовый участок недалеко от Павловского Посада, и началась для нас новая дачная эпопея. Основой нашего нового дома стал вагон-балок, над которым мой муж – мастер на все руки – сделал крышу, а затем пристроил к нашему новому жилищу довольно большую террасу, по форме напоминавшую веранду в Перловке и составлявшую примерно три четверти от нее. Наверное, все мы скучали о нашем прежнем доме,

и эта терраса нам напоминала о былом. И вот наше строительство окончено. Мы привезли из Москвы стол, табуретки, расставили все так же, как было в Перловке, и устроили новоселье. Видели бы вы удивление и радость наших детей, когда они вошли и увидели все это! «Совсем, как на нашей старой даче!» – говорили они. Еще бы им забыть: ведь все они выросли в доме возле пруда, построенном их дедом.

Примечания

- 1) Наша Перловка. Сост. О.И. Воронова. – Мытищи: УПЦ «Талант», 2007. – 152 с.: ил.
- 2) В книге (1) указывается, что санаторий с 1920 года располагался в помещении дачи Александровых на бывшей Московской улице (ныне ул. Селезнева).
- 3) М. Слоним. Три любви Достоевского. – М.: «Наше наследие», 1991 г
- 4) Управление пос. Перловка на улице Семашко показано в книге (1) под №8, что соответствует адресной нумерации до 1950 г.
- 5) Об истории возникновения и развития поселка подробно написано в книге (1)
- 6) Это была церковь Донской иконы Божьей Матери, история которой подробно описана в книге (1).
- 7) Дом за прудом сохранился до настоящего времени, его фотография помещена на обложке книги (1).
- 8) Поликлиника находилась на Железнодорожной улице в доме №48, в помещении бывшего трактира (1).